

Некрасов-Вебер

Кафе "Одноногая курица"
или петербургская история

16+

Алексей Геннадьевич Некрасов-Вебер Кафе «Одноногая курица» или, Петербургская история

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67628273

SelfPub; 2022

Аннотация

Это почти не выдуманная история потерпевшего жизненный крах человека. Разворачивается она в пропитанной мистикой и сырым дыханием каналов атмосфере великого города.

Алексей Некрасов-Вебер Кафе «Одноногая курица» или, Петербургская история

Глава 1

Имя, что досталось Арнольду по странной прихоти родителей, отдавало чем-то вычурным и инородным. Тем же грешило и название города, в котором он жил. Но в отличие от нашего героя, город дважды пытались переименовать, сделав более привычным для отечественного слуха. Однако, первое название упорно возвращалось. Может потому, что нечто инородное крылось в самом естестве города. Это чужая цивилизация, великолепная и прагматичная, с холодным умом и раскаленным стальным сердцем, прорвалась сквозь прорубленное окошко на российские просторы. Где, испугавшись их бескрайности, быстро утратила колонизаторский запал. Подобно сказочному дракону, свернулась клубком и застыла в каменных берегах у мертвой воды каналов. И видит теперь зачарованные сны о том, что было, что не было, что могло быть, да не случилось. Но раскаленное стальное сердце захватчицы еще до конца не остыло. Иногда сквозь слой окалины и пепла прорываются наружу искры. Подхваченные ветром, кружат они над колодцами дворов, черной водой,

прямыми линиями улиц. И как осколки зеркала Снежной королевы, попав в чье-то сердце, порождают фантастичные истории, где вымысел мешается с явью. Вот и нашего героя одна из таких искр не миновала. О последствиях чего и хотим рассказать.

Проживал Арнольд в самом сердце города неподалеку от известного со стародавних времен рынка. Раньше здесь торговали дровами и сеном, а нынче всем: " ...что по балтийским волнам за лес и сало возят нам". Квартира досталась ему в наследство от матери. Отец оставил семью еще в детстве. Случилось это в далекой выстуженной полярными холодами окраине великой страны, куда молодая пара интеллигентов-энтузиастов отправилась то ли за мечтой, то ли за большими деньгами. Однако, не полной семья оставалась недолго. Мать Арнольда была по природе влюбчива. Новые отцы появлялись и снова куда-то исчезали, оставляя в памяти мальчика галерею образов. Персонажи тут были разнообразные, но все без исключения талантливые и интеллигентные. Поэт – в быту беспомощный, но страшно гениальный. Секретный физик – похожий на художавого мальчишку переростка. Того отличала сосредоточенная целеустремленность. А семью он покинул, когда они с матерью Арнольда, во всем себе и ребенку отказывая, накопили на покупку его новенького автомобиля.

Был в галерее и представитель одной из древнейших наций. Уже немолодой, сухощавый, хромой и желчно-иронич-

ный. Он, кстати, семью не бросал, а умер от второго инфаркта. От этого отчима Арнольд унаследовал тягу к язвительной иронии, любовь к точным наукам и умение хорошо играть в шахматы. И еще он оставил последней жене и пасынку трехкомнатную квартиру в столице. Впрочем, столицей эту переросшую до чудовищных размеров суетливую и вечно куда-то спешащую деревню мама Арнольда называла только в кавычках. Потому, как считала, что титул был незаслуженно отнять у ее родного и горячо любимого города. Так что, как только представилась возможность, она, совершив квартирный обмен, вернулась вместе с сыном на малую родину. К тому времени Арнольд успел окончить выпускной класс. Продолжать образование он собирался уже по новому месту жительства, о котором сохранилось только несколько детских воспоминаний. Как на плечах отца путешествовал по берегам канала. Где на горбатом мостике каменные львы держали в пасти стальные канаты, и над строгой линией крыш узкой полоской горело холодное северное небо...

Поначалу город встретил его неприветливо и надменно. Но потом, словно старый аристократ, узнавший вдруг в заезжем юноше черты давно потерянного блудного сына, потеплел и принял молодого провинциала в свой круг. Экзамены в университет Арнольд сдал на отлично. Оказавшись в святилище науки, быстро почувствовал себя своим и завел приятелей, таких же молодых людей, не лишенных задатков гениальности и полных амбиций. От прежних мытарств по горо-

дам и весям остались лишь несколько забавных историй. Их Арнольд любил рассказывать приятелям во время веселых студенческих пирушек. И еще из той прежней жизни сохранилась дружба с бывшим одноклассником Петькой Колывановым. Сошлись с ним, наверное, потому, что были полными антиподами. В отличие от сухощавого язвительного на язык Арнольда, Петька казался по-медвежьи крупным, неуклюжим и добродушным. Силой его Создатель не обидел, не обделил вроде бы и умом, хотя, тут все-таки немного поскупился. Петька казался не глупым, однако, уж очень наивным. Но, чего ему было не занимать, так это упорства. Например, почему-то решив, что обязательно должен научиться играть в шахматы, он частенько после уроков заходил к Арнольду и просил достать доску. Забавно было наблюдать, как, застыв с фигурой в руке, приятель мучительно обдумывает следующий ход. В это время Арнольд, зная, что поставит мат, от скуки просчитывал альтернативные версии разгрома. И еще Петька, влюбившись в их одноклассницу, писал глупые сентиментальные стишки. Арнольд, внутренне веселясь, все эти поэтические откровения внимательно слушал и даже записывал в тетрадь, рассчитывая, что потом пригодятся. И действительно на пирушках с новыми университетскими друзьями вирши шли на ура. Арнольда даже в шутку просили с этим "пиитом" познакомиться. Но теперь, после переезда, школьных товарищей разделяли сотни километров прямой, как императорская линейка, магистрали. Отноше-

ния они поддерживали по переписки. Из которой Арнольд узнал, что Петька, провалил экзамены в университет, но в итоге все-таки оказался студентом, заштатного, даже по меркам его "столичной деревни", вуза. Арнольда, этот выстраданный успех, порадовал. К Петьке он относился тепло, хотя и немного высокомерно.

А у нашего героя поначалу все складывалось вполне удачно. Первую зимнюю сессию он сдал почти так же хорошо, как и вступительный экзамен. Вот только в отношениях с прекрасным полом пока еще оставались проблемы. В школе, благодаря острому языку и экстравагантным манерам, он не был обделен вниманием одноклассниц. Кстати и властительница Петькиных дум, иронично, но не без скрытого интереса, поглядывала в его сторону. Однако, вскоре подыскала себе более достойную партию, в лице их же одноклассника, сына дипломата. С другими школьными чаровницами все складывалось как-то слишком по-детски. А в университете на их факультет представительниц прекрасного пола брали неохотно. Один синий чулок приходился примерно на десять молодых людей. Так что, все надежды на будущий флирт возлагались на летние каникулы. После сдачи летней сессии их студенческая кампания загодя планировала поездку к южным берегам, где сладкое вино, развалы фруктов, и в благоухающих розами аллеях трепетные гурии поджидают заезжих молодых щеголей из северной столицы.

Но сессию еще предстояло сдать. И по мере ее прибли-

жения Арнольда охватывала необъяснимая тревога. Особенно обострилась она, когда в город, как всегда с запозданием, бледной чахоточной красавицей заявила северная весна. Наверное, тут сказались усталость от напряженной учебы и нехватка витаминов. Но это, если рассуждать здраво. А молодой человек просто чувствовал, как его гнетет нечто непонятное, не поддающееся объяснению. Однажды вечером, подчиняясь внезапному импульсу, он оторвался от учебника, взял с книжной полки томик Блока, открыл наугад и прочитал:

Сегодня ты на тройке звонкой

Летишь богач, гусар, поэт,

*И каждый, проходя сторонкой, завистливо посмотрит
вслед ...*

Дочитав стихотворение до конца, Арнольд почувствовал холодок страха. Было в этих написанных почти сто лет назад строках что-то пророческое, относящее прямо к его судьбе. Напрасно пытался он в этот вечер вернуться к занятиям. Ночь встретил, глядя в окно. В доме напротив, черной дырой зияла полукруглая арка проходного двора. Над улицей висел тусклый свет ночного города. И в голове крутились уже другие, пропитанные черной тоской строки:

Ночь, ледяная рябь канала.

Глава 2

Чахлая весна готовилась перейти в бледное северное лето. Ветер с залива бодрил, но уже не пронизывал до костей. День становился заметно длиннее. Таинственная сумрачная дымка до полуночи курилась в оскаленных пастях львов, висела над мостовыми пролетами и гранитными берегами каналов. Лишь только на несколько часов город погружался в беззвездную тьму. Но она быстро убегала, и бледный рассвет, подсвечивая крыши, загорался над вонзившимся в небо золотым шпилем.

Мать Арнольда, завела новый роман и периодически отбывала на выходные в какой-то профилакторий на берегу залива. Пользуясь этим, у них на квартире собиралась студенческая компания. Готовиться к сессии вместе куда веселее. В перерывах можно было развлечь себя бутылочкой пива и изящной беседой в стиле декаданса. Подзабытое течение мысли, что, словно плесень на державном граните, завелось когда-то в кокаиновом полумраке богемных кафе, снова возрождалось, как верный признак брожения умов и витавшего над обществом сладковатого запаха гнили. И вот на одно из таких занятий-посиделок неожиданно и не звано пожаловал гость из недавнего прошлого – Петька Колыванов.

Со своей медвежьей неуклюжестью Петька часто умудрялся появляться в неподходящее время в неподходящем

месте. В какой-нибудь другой день после сданной сессии и не в компании новых друзей Арнольд наверняка бы его радушно встретил. Но сейчас школьный приятель нагрязнул совсем некстати. Однако, отказать в приеме не хватило духу. Тем более, что приехал Петька всего на один день и с ночным поездом собирался вернуться восвояси. Когда он позвонил с городского автомата, Арнольд рассказал, как лучше добраться и посоветовал вместо водки затовариться в магазинчике напротив дома пивом. Порекомендовал взять новый сорт, что недавно стал производиться в городе и выходил под разными номерами. Знающие люди предпочитали четверку.

Друзьям Арнольд сообщил, что сейчас представится редкая возможность познакомиться с "полюбившимся" поэтом. Так что, Петьку встретили, пряча улыбки. Пожимаю руку, молодые люди называли себя вымышленными или литературными именами. Тетка Колыванова Петр Сонаев к своему прозвищу Пьер, добавил фамилию Безухов. Сашка Пересмехин отрекомендовался, как Альфонсо Гонсалес. Ну а Мишка Козырев, представился на французский манер Мишель, как, впрочем, его и звали в университетской тусовке. Видимо, почувствовав, что над ним собираются посмеяться, Петька помрачнел, смутился и протянул хозяину позвякивающую стеклом сумку:

"Вот, как заказывал, четверка!"

Дар встретили на ура. Прокричав "Виват!" в честь столичного гостя, компания чокнулась бутылками, и все сдела-

ли по большому глотку. Уличив момент, Петька отозвал Арнольда в сторону и, смущаясь, изложил свою просьбу. Оказалось, в своем "заборостроительном" он уже успел сдать летнюю сессию, однако, физику завалил. Пересдача была назначена через неделю. И сюда Петька приехал не только чтобы осмотреть городские достопримечательности и повидать школьного приятеля. Он еще рассчитывал получить у него небольшую консультацию.

Заниматься примитивными задачками от Петькиного вуза Арнольду сейчас хотелось меньше всего. Скривившись, он нехотя ответил, что чуть позже. И тут очень кстати выручил Мишель. С по-французски насмешливой улыбкой он попросил Петьку прочесть что-нибудь из своей лирики. Еще больше смутившись, тот сообщил, что ничего уже давно не пишет.

– А это зря! – иронично протянул Мишель и с чувством продекламировал одно из самых глупых и сентиментальных Петькиных стихотворений. Снова чокнувшись бутылками, все выпили за поэтический дар гостя. Но вскоре компания перешла на свои темы. А Петька, выдержав некоторую паузу, вышел в коридор. Арнольд застал его там, зашнуровывающим ботинки.

– Чего так рано? А как же физика? – с наигранным возмущением начал было Арнольд.

– Да ладно, тебе сейчас не до меня. Пересдам как-нибудь, – пробурчал Петька. Дальше Арнольд уговаривать не

стал. А гость, произнеся на прощание "Бывай!", не пожимая руки, покинул квартиру.

– Еще будешь у нас, заходи! – крикнул Арнольд вдогонку. И уже с лестницы в ответ прозвучало:

– Лучше уж, вы к нам!

Когда он вернулся в комнату, все снова взялась за учебники и конспекты. Время от времени, кто-то обращался за разъяснениями к самому умному члену команды – Пьеру. Иногда, отложив книги и тетради, начинали задавать друг другу контрольные вопросы. Петька действительно был бы сейчас лишним. Но, все равно, не оставляло неприятное ощущение, что нехорошо как-то все получилось.

Около полуночи компания покинула квартиру. Арнольд пошел провожать. Миновав короткую улочку, вышли на канал и свернули к проспекту, где еще был шанс успеть на последний автобус. Над городом висела таинственная сумеречная дымка. В скором времени она должна была трансформироваться в белые ночи. Фасады домов зачарованно смотрели в застывшую воду. Шаги и смех молодых людей далеко разносились по пустынной набережной. На львином мостике Арнольд распрощался с друзьями. Прислонившись к перилам, закурил. Перегнувшись, попытался увидеть свое отражение в воде, но ничего не получилось. Посмотрев на часы, подумал, что Петька сейчас, наверное, садится в поезд. И тут вдруг сам ощутил дыхание вокзала. Казалось, где-то поблизости затопили углем печку. Растерянно оглядевшись,

Арнольд увидел летящие над водой искры. Одна, самая большая, неожиданно спикировала прямо за ворот его рубашки, и он даже почувствовал похожий на осиный укус ожог.

Искры исчезли также внезапно, как и появились. И тут опять появилось странное ощущение тревоги. По дороге домой оно стало перерастать в физическое недомогание. Поднимаясь по лестнице, Арнольд уже еле передвигал ноги.

– Устал, перезанимался! – подумал он. С трудом заставил себя раздеться и рухнул на кровать. А утром, проснувшись, вместо облегчения почувствовал, что голова гудит, словно раскаленный паровозный котел. Когда померил температуру, ртутный столбик уверенно перевалил за тридцать восемь. Через пару часов появилась мать. Узнав, что происходит с сыном, разохалась, вызвала врача и убежала на работу. К обеду Арнольд уже знал свой диагноз.

Это же надо умудриться, заболеть гриппом в самом начале лета, да еще перед важным экзаменом! Конечно, принеся справку, можно было сдать физику позже в компании двоечников и неудачников вроде Петьки Колыванова. Но в этом было что-то унижительное. А главное, друзья уедут заводить амурные романы на южных берегах уже без него. И Арнольд принял решение продолжать подготовку.

Следующие несколько дней стали для него настоящей пыткой. Временами учебник просто падал из рук. Но он, сжав зубы, продолжал вгрызаться в ставшие вдруг неподатливыми формулы и объяснения. Столбик градусника упорно

не хотел опускаться вниз, и температуру приходилось сбивать аспирином. Временами он погружался в состояние полубреда. Перед глазами в сумеречной дымке проплывали виды любимого города. Но сейчас, казалось, что все здесь пропитано болезнью. Что-то нездоровое и гнилостное поднималось от протухшей мутной воды каналов, расплзалось по улицам вместе с сырым дыханием залива. Мать, как могла, заботилась о сыне. Но ближе к пятнице опять стала собираться в профилакторий.

– Я всего на пару деньков, сынуля! Будь умницей, не перенапрягайся, – произнесла она виновато. Арнольд отговаривать не стал. Но когда за ней закрылась дверь, с обреченностью осознал, что до ее возвращения что-то должно случиться.

Глава 3

Проснувшись, он не мог понять, наступило утро, или еще продолжается вечер. За окнами, путая времена суток, плотной пеленой висела молочная дымка. Что-то непонятное творилось и с его организмом. Болезнь не ушла, и столбик термометра наглядно свидетельствовал об этом. Однако, он ощущал странный прилив сил. Голова больше не болела, а сознание казалось подозрительно ясным.

Учебник был заложен на странице, которую перед сном безуспешно пытался осилить. Открыв ее, Арнольд начал читать, и вдруг почувствовал, что все, представлявшееся нака-

нуне запутанным и сложным, легко дешифруется и раскладывает в памяти по полкам. Более того, он вдруг начал угадывать за внешней стороной физических закономерностей иной, более глубокий смысл. Формулы, словно ожившие магические знаки, говорили с ним, дразнили, звали в свое зазеркалье.

Почувствовав страх, Арнольд захлопнул учебник. Все часы в доме остановились на разных показаниях. Решив все-таки разобраться с временем суток, он выглянул на улицу. Квартира находилась на втором этаже, который по современным стандартам, вполне мог сойти за третий. Окна выходили на парадное. Напротив, на соседней стороне стоял четырехэтажный дом, тоже старинной застройки. Внизу его, словно дыра в куске сыре, зияла арка проходного двора. А прямо над ней располагалось окошко, которое Арнольд выделял из всех прочих. Иногда по вечерам прекрасная незнакомка давала там бесплатный стриптиз. Не выключая свет и, не задергивая шторы, она раздевалась в глубине комнаты перед зеркалом. Делала это не спеша, с изяществом и вкусом. Арнольд, прикрываясь занавеской, следил за грациозными движениями рук и жадно пожирал глазами постепенно открывавшееся безупречно сложенное тело. А когда, накинув халатик, незнакомка перемещалась на кухню, продолжал следить, как она готовит себе ужин, и воображение рисовало уже вполне невинные сцены семейной жизни. И сейчас, обнаружив, что в доме напротив горит единственное окно над аркой, он вы-

ключил свет и прильнул к стеклу.

Представление только начиналось. Сняв заколку, женщина распустила светлую копну льняных волос. Повертевшись перед зеркалом, взялась за пояс на платье. Расстегнув его, небрежно-изящным движением кинула на кровать. За ним отправилось и само платье. Арнольду даже показалось, что он слышит шелест падающей ткани. Продемонстрировав перед зеркалом несколько поворотов бедер, стриптизерша поставила ногу на кресло и собиралась снять чулок, но почему-то передумала и потянулась к застежке бюстгалтера. И вдруг, обернувшись, с улыбкой послала притаившемуся в темноте наблюдателю воздушный поцелуй. Арнольд испуганно отпрянул вглубь комнаты. В тот миг почему-то не было сомнений, что улыбка и поцелуй предназначены именно ему.

" Но как она могла разглядеть?"

Выждав несколько минут, Арнольд осторожно выглянул из-за занавески. Ни одно окно в соседнем доме больше не светилось. И тут он услышал цоканье копыт. Из-за угла выехала и остановилась прямо напротив карета. На таких артефактах прошлых веков по центру города не так давно начали возить туристов. На его улочке карета появился впервые, и, скорее всего, возница заблудился. Однако, все оказалось гораздо интереснее. Пристав на козлах, кучер снял цилиндр и тут Арнольд с изумлением узнал Мишеля.

– Хорош спать, Арнольдище ! Экипаж подан! – крикнул

приятель и помахал цилиндром. Одевшись за несколько секунд, наш герой оказался у парадного. Садясь рядом с кучером, успел спросить: "Куда едем?". И в тот же миг карета, демонстрируя неожиданный для конной тяги форсаж, рванула с места.

– На набережную, все уже там! – крикнул, нахлестывая лошадей Мишель. Не снижая скорости, они промчались по мосту канала. С трудом вписались в поворот на следующей набережной, и вскоре справа показалась мрачная громада собора. Здрав голову, Арнольд, словно впервые, с мистическим страхом смотрел на огромные статуи по краям крыши. В какой-то момент даже показалось, что у ангела шевелятся крылья.

"Да и был ли это ангел?!".

А потом впереди развернулась широкая свинцовая гладь реки и карета остановилась.

– Приехали! – крикнул, спрыгивая на мостовую Мишель. На плескавшихся о гранитный берег волнах покачивался небольшой катер. Все действительно уже были там. Пьер пытался развязать затянутый на парапете морской узел. Пересмехин-Гонсалес придерживал трап. За капитанским штурвалом стоял Сашка по прозвищу Бодман. В их компании он находился на особом двусмысленном положении. Успев отслужить срочную службу на флоте, на вчерашних школьников смотрел свысока и в то же время вынужден был обращаться к ним за помощью по учебе. Но сейчас, похоже, на-

стал звездный для ветеранского самолюбия час. За штурвалом катера в капитанской кепке и сигарой в зубах Сашка смотрелся настоящим морским волком.

"Шевелись, салаги! Отдать концы!" – скомандовал он, как только Мишель и Арнольд оказались на палубе. Пересмехин убрал трап. Пьер, наконец, справился с узлом, и катер, покачиваясь на мелкой волне и тарахтя мотором, отплыл от берега. К происходящему У Арнольда было огромное количество вопросов. Но задал он только один:

– Куда теперь?

– Чижика экспроприировать, – ответил, поправляя очки, Пьер. И рассказал, что недавно городские власти установили крохотный памятник пернатому герою народных куплетов. А их компания, посоветовавшись, решила его похитить. И вот сегодня, они всерьез намеревались совершить этот гусарский подвиг.

" Молодцы, про меня не забыли!" – с благодарностью подумал Арнольд.

– Ие хо-хо! Птичка наша! – весело по-пиратски крикнул Мишель, и высоко подбросил верх свой бутафорский цилиндр.

Глава 4

Натужно тарахтя, старенький катер шел против течения. Мелкие гребешки волн бились о плоский нос. Над водой с криками носились разбуженные чайки. Первая эйфо-

рия быстро прошла.

" Где они взяли эту посудину и карету?" – мысленно спрашивал Арнольд, но вслух произносить это опасался. Появилось ощущение, что перед ним разыгрывают спектакль. Но, для его же безопасности лучше делать вид, что принимает все за чистую монету.

С правой стороны проплывали силуэты дворцов. Слева, одинокие, не подпирающие ничего кроме серого неба, колонны. Своей формой они походили на артефакты древнеримских культов. Арнольд впервые увидел, как наверху в металлических жертвенниках пылает огонь. В этом зрелище было что-то мистическое и жуткое, погружающее зрителя в образы ада. Казалось, языки пламени жадно лижут и наполняют копотью нависшее прямо над ними небо. Все сильнее Арнольд ощущал, что происходящее выходит за рамки обычной реальности. Однако, по лицам приятелей видел, что их все это только забавляет. И вдруг в голове промелькнуло:

" А они ли это?!"

С левой стороны на пляже перед крепостными стенами почему-то вдруг очутилось странное сооружение. Гимнастическая перекладина и деревянный помост породили нехорошие ассоциации с историческим прошлым. Сам же крепостной шпиль, казалось, стал выше и тоньше, и его золотая игла вонзалась в прокопченное жертвенниками небо. Миновав крепостной остров, катер свернул с главной водной ма-

гистрала в русло речки местного назначения. Оно походило на широкий гранитный рукав в разноцветных каменных манжетах. Картина, вроде бы знакомая, но все-таки что-то изменилось. При внешней схожести это была какая-то иная версия великого града.

– Вот он! Тормози, давай! – крикнул вдруг Пересмехин.

– У салаг голос командный прорезался? – процедил сквозь сигару в зубах Сашка Боцман. И в этот момент Арнольду почудилось, что за штурвалом не его однокурсник, а огромный взъерошенный кот. Между тем катер резко сбавил скорость и стал прижиматься к берегу. Вскоре он филигранно пришвартовался в небольшую полукруглую выемку, где на гранитном выступе прямо напротив борта сидела бронзовая птичка. После нескольких безуспешных попыток Пьер и Мишель закинули на гранитный парапет крючья веревочного трапа и Арнольду велели лезть наверх, стоять на шухере.

Карабкаться по веревочным ступеням было неудобно и страшно. Меньше всего хотелось свалиться в грязную воду. Но сейчас он интуитивно чувствовал, что там наверху безопасней, чем на катере. Перевалившись через парапет, Арнольд огляделся. Набережная казалась безлюдной. Посмотрев вниз, увидел, как Пьер сосредоточенно пытается открутить птицу, а вся компания наблюдает и дает советы. В голове испуганно промелькнуло:

– Это же кража! Поймают, тюрьма. С универом уж точно придется проститься ...

Он снова посмотрел вниз. Теперь уже с ненавистью к тем, кто втравил его в авантюру. Приятели, тем временем, продолжали свои противозаконные действия. К Пьеру присоединился Мишель, пытаясь закрепить на бронзовой голове птички большой разводной ключ. Неожиданно за спиной заскрипели тормоза.

– Шухер! – крикнул Арнольд, перегибаясь через парапет. Но внизу никто не обратил внимания. К счастью, подъехавшим тоже не было дело до похитителей пернатых. Такую огромную легковую машину Арнольд видел только в гангстерских фильмах на видеке Пересмехина. Из черного автомобильного монстра на набережную вывалила очень странная кампания: матросик в лихо заломленной бескозырке, длинноволосый молодой человек поэтической наружности, толстый мужик в не сходящемся на животе фраке. Еще один длинноволосый тип походил на актера, сбежавшего в гриме со съемок фильма про анархистов. А предводительствовала пестрым сборищем барышня в кожанке и красной косынке. Наверное, так когда-то одевались комиссарши. Но вряд ли на юбках у них были такие обжигающие взгляд разрезы.

Что-то шумно обсуждая, компания двинулась к ближайшему дому. И только сейчас Арнольд заметил над парадным вывеску: "Арткафе одноногая курица". Написано это было пляшущими красными буквами, словно раненной куриной лапой. А поверх надписи, расправив крылья, балансировала на одной тощей ноге сама птица.

На пороге толстый господин с громким хлопком открыл шампанское и начал поливать входивших. Комиссарша вырвала бутылку и под хохот компании опрокинула ее толстяку за шиворот. Все это время, Арнольд, не отрываясь, смотрел на разрез ее черной прямой юбки. Неожиданно барышня обернулась, подмигнула, и он, наконец, опознал соседку из дома напротив.

Двери кафе закрылись, и набережная снова обезлюдилась. Вспомнив о приятелях, Арнольд обнаружил, что они успели отделить птичку от постамента. Мишель держал ее в руках и уже собирался опустить в цилиндр, когда сквозь серую дымку пробился алый луч рассвета. И тут реальность окончательно стала рассыпаться. Птица захлопала бронзовыми крыльями и, вырвавшись из рук похитителя, вспорхнула. Рассветный луч, отразившись от воды, зловеще искажил лица приятелей, и снова показалось, что за штурвалом стоит огромный взъерошенный кот с сигарой в зубах и капитанской фуражке.

Бежать Арнольд бросился так, будто за ним гнались все силы ада. А, когда набегу оглянулся, курица на вывеске лихо отплясывала единственной ногой канкан. И это стало последним впечатлением той безумной ночи. Дальше наступил черный провал. Придя в сознание, Арнольд увидел над собой толстую тетку в медицинском халате, которая пыталась кормить его куриным бульоном.

"Ешь, студентик, помогай врачам" – приговаривала она,

поднося к губам ложку.

Через пару часов появился и врач. Задав несколько вполне обыденных вопросов, он назначил целую горсть таблеток и пошел к другим пациентам. Все они смиренно, не проявляя признаков агрессии, лежали на своих койках. О том, что находится в палате для больных с тяжелыми психическими расстройствами, Арнольд узнал уже позже.

Через несколько дней разрешили свидание с матерью. Увидев сына, она расплакалась и стала просить прощения. Потом заявила, чтобы он не волновался по поводу учебы. Ее уже заверили в деканате, что после того, как Арнольд выпишется и принесет справку, ему сразу оформят академический отпуск.

Вот так в одночасье и оборвались все дальние и ближние планы! Ни о какой поездке к южным берегам уже не могло быть и речи. Сессию, готовясь к которой подорвал здоровье, сдавать придется, в лучшем случае, через год. Причем, уже с другими людьми. Компания, в которую так удачно вписался, может и пожалеет заболевшего, но слушком уж горевать не будет. В том, что их пути дорожки разошлись, Арнольд почему-то не сомневался. Да он и сам не хотел продолжения отношений. Понятно было, что фантастические события роковой ночи лишь галлюцинации воспаленного мозга. Но, как говорится, осадок остался.

Судьба нанесла сильный нокаутирующий удар. Под большим сомнением теперь оказались и будущая карьера физи-

ка, и романтические встречи с прекрасными незнакомками. И даже в том, что сможет завести новых друзей, Арнольд теперь сильно сомневался. Радужные горизонты затянуло серой беспросветной пеленою. Но нельзя сказать, чтобы это его сильно волновало. Наверное, так сказывалось действие таблеток. По указанию врача он теперь принимал их целыми горстями. Лишь, когда узнал о предстоящем "отпуске", сознание на какой-то миг полоснула боль. И голове опять закрутилось:

Сегодня ты на тройке звонкой летишь, богач гусар поэт...

Глава 5

Когда Арнольда выписали из больницы, белые ночи оставили город. По вечерам темнота снова накрывала уставшие от бледного света улицы. Поубавилось количество туристов. В университете, куда Арнольд пришел оформлять "академку" по коридорам бродили стайки абитуриентов. Из знакомых он встретил только Сашку Боцмана, который пытался пересдать математику. От него узнал, что приятели отправилась к теплым берегам, но не дикарями, как планировалось раньше. Отец Пересмехина, у которого везде был блат, помог устроиться в профилакторий. Чувствовалось, что Сашка не по-доброму завидует курортникам. Сам же Арнольд никаких эмоций по этому поводу уже не испытывал. То, что

никто из компании не навестил его в больницу, подкрепляло уверенность в разрыве прежней дружбы. Но сожалеть и как-то переживать об этом по-прежнему не давало отупляющее действие лекарств, которые и после выписки продолжал принимать.

Его новую жизнь можно было сравнить с произрастанием овоща на грядке. Он пил горстями таблетки, без аппетита съедал, что оставляла на плите мать, днем по ее настоянию выходил на прогулки, подолгу без особого разбора смотрел телепередачи. Судя по изменившемуся тону новостей и новомодным программам в стране что-то назревало. Когда по выходным мать брала его собой в магазин, Арнольд видел, как на глазах пустеют полки, очереди становятся длиннее, а люди все более злыми и раздраженными. Традиции и культура, которыми всегда гордился город, уступали место иному стилю, в чем-то похожему на отношения героев боевиков, что он в свое время успел посмотреть у Пересмехина. Сам Сашка и остальная компания вернулись в город в середине августа. Пару раз звонили и приглашали на посиделки. Арнольд отказывался, ссылаясь на здоровье. И это было правдой. Алкоголь теперь был для него под полным запретом, а от общения с людьми очень быстро наступала усталость. Как-то мать (наверное не без умысла) взяла его в гости к дальним родственникам у которых росла дочь Аня, скромная домашняя девушка его троюродная кузина. Просидев пару часов на званом обеде, Арнольд сначала пытал-

ся поддерживать светскую беседу и развлекать смущенную девицу. Но потом накатила такая сонливость, что пришлось просить хозяев разрешить ему где-нибудь на полчаса прилечь. Естественно, просьбе не отказали. Проспав около часа под пледом на хозяйской кровати, они, вместе с матушкой, начали собираться домой. Родители кухни смотрели с явным разочарованием. Больше в этот дом не приглашали. Попытки снова заняться физикой тоже порождали усталость. Казалось, на плечах лежит тяжелый груз прожитых лет, и ничто уже не сможет вернуть юностью.

Прогулки Арнольд обычно совершал по двум направлениям. Первое по улице до канала, и далее по набережной на "львиный" мостик. Там долго стоял и смотрел на воду, облупившиеся от сырости фасады зданий, добродушные львиные морды. Вспоминал запах горящего угля и летящие над каналом искры. В голове крутилось, что именно с того момента все в его жизни пошло наперекосяк. Хотя, возможно, началось это чуть раньше, когда высокомерно обошелся со школьным приятелем:

" Но ведь Петька ушел тогда сам! И почему судьба так жестоко карает именно его. В то время как, многим сходят с рук куда более дурные поступки..."

Однако, углубляться в подобные темы Арнольд не мог. Мешало тормозящее действие медицинских препаратов.

Второе направление прогулок совпадало с маршрутом роковой для него ночи. Перейдя по мосту канал, он шел до

следующей набережной и сворачивал к собору. Обходя величественную мрачную громаду, подолгу смотрел на крылатые статуи по краям крыши. Но, как и положено скульптурам, они были статичны и крыльями никто не шевелил. Конечной точкой было место, где он тогда якобы погрузился на катер. Полюбовавшись державным течением и "голландским" пейзажем на другом берегу, Арнольд возвращался домой. Но однажды, почувствовав себя бодрее, совершил марш-бросок до речки, где наступила развязка. Отдохнув и перекусив по дороге в летнем кафе, он добрался до одетого в гранитные берега русла. С остановками поднялся по набережной до самого проспекта, но никакой бронзовой птички и никакого арткафе не обнаружил. Когда же попытался узнать о памятнике чижику у двух повстречавшихся девушек, те приснули от смеха и ускорили шаг. Оглянувшись, Арнольд увидел, как одна из девиц крутит у виска пальцем. Местная старушка отнеслась к вопросу более внимательно. Но, рассказав Арнольду о некоторых близлежащих достопримечательностях, заверила, что, ни о каком памятнике "чижику" не слышала, хотя песенку хорошо знает. Про "Одноногую курицу" старушка тоже была не в курсе. Однако вспомнила, что очень давно, еще будучи девчонкой, что-то слышала от старшей сестры об арткафе толи "одноногая", толи "хромая" собака.

Неудачные результаты экспедиции Арнольда даже успокоили. Реальность окончательно вернулась на место. А все фантастические события отошли в область галлюцинаций. С

того времени он постепенно начал сокращать прописанные ему дозы препаратов.

В самом конце лета неожиданно объявился Колыванов. Услышав в трубке его голос, Арнольд искренне обрадовался и настоял, чтобы Петька зашел в гости. На этот раз они вполне душевно посидели. Арнольд даже позволил себе половину бутылки пива. Петька сумел все-таки пересдать физику и в наступающем учебном семестре собирался взяться за ум и с куда большим рвением грызть гранит науки. Арнольд почему-то не сомневался, что все так и будет. Отсутствие таланта Колыванов вполне мог компенсировать упрямством, и в итоге чего-то добиться. Арнольд даже чувствовал, что ревнует к этим гипотетическим успехам приятеля.

Говорили они в основном о прежней школьной жизни. Для Арнольда эта тема теперь стала куда более интересной, чем его короткая университетская эпопея. Вспоминали забавные и не очень забавные истории, вроде массовой драки с залетной шпаной после школьной дискотеки. Петька рассказал о других одноклассниках и передал от них приветы. Распрощались они куда теплее, чем в прошлый раз. Правда, Арнольда задевало, что Петька его жалеет. Оказалось, о болезни школьного приятеля тот знал еще до своего визита. Когда Арнольд еще только собирался выписываться, мать по межгороду позвонила Колыванову. К этому увальню она почему-то всегда относилась с симпатией. Рассказав о постигшей сына беде, матушка, наверняка, просила обязательно наве-

стить, когда будет проездом. Так, что, возможно, именно поэтому Петька и заглянул, постаравшись забыть о прошлом холодном приеме.

Ни в какие профилактории мать больше не ездила. Новый роман, похоже, не получил продолжения. Очень быстро, прямо на глазах, она старела. Но у Арнольда и это не вызывало особых эмоций. Скорее всего, и здесь виной были таблетки. А может он просто привык воспринимать ее заботу, как нечто само собой разумеющееся и данное навечно.

Глава 6

Осень заползла в город еще до начала календарного срока. Тяжелые серые тучи, беспросветно зависли над набережными и шеренгами доходных домов. Дождь хлестал по облезлым от сырости фасадам исторических зданий. И только центральный проспект еще умудрялся сохранять праздничную нарядность. Опустившаяся на город сезонная тоска не миновала и Арнольда. Временами она даже воспринималась как физическая, давящая откуда-то сверху тяжесть. И снова в голове крутились пронизанные схожими чувствами строки:

*Ночь, ледяная рябь канала
Аптека, улица, фонарь*

Но фонарь над аркой проходного двора, как раз, и не горел. И, видимо, чинить его больше никто не собирался.

Не светились по вечерам и окна "стриптизерши". Бесплатные представления окончились. Сама она куда-то пропала. И три черных оконных квадрата ее кухни и спальни молчаливо хранили тайну исчезновения.

Днем Арнольд без особого желания пытался заниматься математикой и физикой. С еще большей неохотой ходил по магазинам и помогал матери по хозяйству. Сама она, возвращаясь с работы, все чаще жаловалась на усталость. За последнее время мать сильно похудела. И печать тяжелой болезни все отчетливее проступала на заострившихся чертах пожелтевшего лица. Но как-то в выходные, видимо почувствовав себя лучше, мать уговорила сына посетить музей отечественной живописи.

День, как по заказу, выдался погожим. Прорвавшиеся сквозь тучи солнце отражалась на поверхности луж и, казалось, городу возвращаются смытые многодневным дождем краски. За две недели до этого Арнольд кардинально сократил прием таблеток и теперь чувствовал пробуждающийся интерес к жизни. В приподнятом настроении они вышли из дома. Свернув на канал, добрались до проспекта. Там, как всегда, было празднично и многолюдно. Слух резала знакомая "акающая" скороговорка. Все время, казалось, что где-то рядом идет Петька Колыванов. Прогулявшись по проспекту, они свернули в сторону музея и вскоре под равнодушными взглядами каменных львов уже поднимались по ступеням.

Позолоченные вазы и парадные портреты вызвали восторг матушки, но на Арнольда впечатления не произвели. Однако, постепенно он все больше проникался духом и эстетикой собранных под музейной крышей шедевров. Особый отклик находили картины, где сквозь обычную реальность, путь даже полупнамеком, проступали контуры и краски некоего иного мира. На полотнах серебряного века эта иная реальностью начала проявлять себя более явно. В воспалившемся воображении он снова прокручивал впечатление безумной ночи. А с холстов сочились те же мрачные зловещие краски, и исходил тлетворный мистический дух искаженного мира.

По дороге домой мать робко поинтересовалась, понравилась ли Арнольду прогулка. Погруженный в свои мысли, он не стал ничего отвечать, чем, кажется, ее обидел. Однако, попрекать сынулю она не стала. Придя домой, рано поужинали, и мать легла отдохнуть. Арнольд же, не находя себе места, мерил шагами кухню. Пробуждавшая вновь жизненная энергия, вступала в диссонанс с действием препаратов. Не давали покоя и сегодняшние музейные впечатления. Казалось, он начинает понимать тайные пружины творчества и вдохновлявшие художников мотивы. И сам сейчас чувствовал, как в заторможенную и сумеречную реальность пробиваются слепящие лучи иного мира.

На улице быстро темнело. Беря реванш за летнее отступление, ночь теперь очень рано приходила в город. Бросив взгляд на соседний дом, Арнольд вдруг увидел, что как

на фоне темной стены ярко горят все три окна над аркой. Выключив на кухне свет, он жадно прильнул к стеклу, и, кажется, успел вовремя. Представление было в самом разгаре. Хозяйка квартиры в одном нижнем белье исполняла посреди спальни быстрый танец. Она лихо крутила бедрами. По плечам мотались распущенные светлые волосы. Роскошную гибкую фигуру ретушировали только узкая полоска трусиков и черный лифчик. Время от времени она забежала на кухню, и, продолжая пританцовывать, перемешивала что-то в стоявшей на плите сковородке. И это только добавляло происходящему особые пикантные штришки. Арнольд смотрел, не отрывая от холодного стекла лоб. И почему-то крепла уверенность, что представление разыгрывается именно для него. Когда незнакомка, оторвавшись от плиты, призывно помахала, он сразу понял, кого зовут.

Таблетки еще пытались защитить сознание, но нахлынувший поток быстро снес эту плотину. Сделав круг по кухне, Арнольд ринулся в гостиную. Когда доставал из секретера деньги, мать слабым сонным голосом поинтересовалась, куда он собрался.

– Скоро вернусь! – соврал Арнольд. На самом деле он и представления не имел когда вернется и вернется ли вообще.

На углу бывшей рыночной площади с некоторых пор, приметой нового времени, торчала коммерческая палатка. Торговали вождеденной для изголодавшегося отечественного потребителя мелочевкой, в том числе цветами и алко-

голем. Пересчитав деньги, Арнольд обнаружил, что хватит на импортный ликер и три коротконогих розы. То, что завтра им не на что будет идти в магазин, совершенно не волновало. Через минуту он уже был в арке проходного двора. Подъезд встретил покосившейся дверью и дурно пахнувшей темнотой лестничных пролетов. Перешагнув через чье-то храпящее тело, Арнольд вбежал на второй этаж. Нужную дверь обнаружил по громким звукам музыки. А сквозь щель под дверным косяком на лестничную площадку струились ароматы какого-то экзотического блюда. Нащупав в темноте кнопку звонка, Арнольд дал себе еще несколько секунд на раздумье. Затем, переходя Рубикон, со всей силы на нее надавил.

Глава 7

Хозяйка встретила его в легком халатике. Возможно, это был пеньюар, но Арнольд в таких деталях плохо разбирался. Вблизи она смотрелась иначе, чем через два оконных стеклопакета и щель между занавесок. Фигура, конечно, была великолепная, но в лице проступала некоторая прибалтийская грубоватость. Голос тоже был несколько грубоват для образа прекрасной незнакомки. Хотя легкий акцент придавал ему пикантность.

– Это что за явление? – поинтересовалась она удивленно, но без какого либо испуга. А Арнольд, подражая романтическим героям, упал на одно колено и протянул букет. Левая

рука, как рукоять шпаги, сжимала бутылку.

– Ну, если так серьезно, милости просим, – усилив акцент, произнесла хозяйка.

Сколько раз, подсматривая из-за занавески, Арнольд воображал себя в этой гостиной! И вот теперь наяву вступал в обитель грез. "Все здесь дышало негой сладострастной" – сказал бы поэт прошлого века. Нечто подобное, в более современном стиле, срифмовал бы и Петька Колыванов. Арнольд, же просто погружался в пропитанную ароматом духов атмосферу будуара. И казалось, что все это происходит не с ним, а с героем красивой мелодрамы.

Цветы хозяйка пристроила в вазе на подоконнике. Бутылку поставила на трехногий столик и достала бокалы. Пока Арнольд разливал ликер, она сообщила, что ее зовут Ирма. Выпить с ироничной усмешкой предложила за юношей пылких и отважных. Когда чокались бокалами, Арнольд задел ее палец, и по телу словно пробежал электрический импульс. А ощутив на языке ликерный вкус сладкой жизни, он подумал:

" Не стоят ли несколько сладких мгновений унылой вечности?!"

Словно по заказу, зазвучало танго. Танец пламенный латиноамериканской страсти Арнольд видел только в кино. Но он смело протянул партнерше руку. Сделав резкий поворот, Ирма оказалась в его объятиях. Нога взметнулась выше головы. А в следующее мгновение, как требовал рисунок тан-

ца, партнерша уже летела прочь.

Это было восхитительное безумие! И все же в сознании еще продолжали работать тормоза. Происходящее виделось чем-то резко аномальным. Казалось, что будуар, прекрасная хозяйка и даже откупоренная бутылка с ликером в один момент могут исчезнуть. Подобно герою страшных сказок, он очнется посреди голого поля. Или, еще хуже, среди гор мусора на городской помойке. И запевший птичьим голосом дверной звонок стал тревожным сигналом.

Ирма тут же ускользнула в прихожую, и оттуда послышались голоса: ее, приглушенно-виноватый, и мужской, уверенный и громкий. Вскоре в дверях появилась внушительная глыбообразная фигура. Из-за мужского плеча смущенно выглядывала Ирма.

– Ну что, будем знакомы. Я Глеб, а тебя, как зовут, мальчик? – произнес новый гость с не предвещавшей ничего хорошего улыбкой. Дерзить в ответ Арнольд даже не пытался. Приятель хозяйки ходил на героев гангстерских фильмов. Не так давно подобные типажи начали появляться не только на кабельном, но и на государственном телевидении. Мгновенно растеряв романтический пыл, Арнольд, запинаясь, назвал свое имя и ждал, что будет дальше. А Глеб, подойдя к столу, налил два полных бокала и предложил:

– Ну что, Арнольдушка, за мужское взаимопонимание и солидарность?

Давясь приторно сладким ликером, Арнольд осушил бо-

кал. А Глеб, не меняя выражения лица, процедил:

– А теперь пошел отсюда, быстро!

Арнольд и тут не стал спорить. Сбегая по лестнице, он чуть было не споткнулся о все еще храпящее тело, и только на за дверями подъезда захлестнула запоздалая ярость.

Убью! Убью! – повторял он, ища глазами подходящий предмет. Во дворе стояла непроглядная темень. Фонарь над аркой по-прежнему не горел. Но и на улице было немногим лучше. Занавешенные окна пропускали тусклый приглушенный свет. Редкие фонари или не работали, или каждую секунду моргали. Пытаясь найти кусок арматуры или хотя бы битую бутылку, Арнольд двигался в сторону канала. Улицу прибирали плохо и днем подобные предметы на глаза часто попадались. Но сейчас он не мог отыскать даже куска стекла или подходящего камня. И вдруг из темноты вынырнула вывеска: "Магазин оружия". Располагалась она над зарешеченными окнами первого этажа и массивной железной дверью. Ничего подобного раньше Арнольд здесь не видел. Но это и не имело значения. Судьба давала отличный шанс отомстить за обиду!

Тягаться с железной дверью было бесполезно, однако, решетка на окне оказалась довольно хлипкой. Несколькими сильными рывками Арнольд выдернул ее и, используя, как таран, начал дробить стекло. Он слышал, как надрывно завывает сигнализация, но не прекращал свои противоправные действия. Когда подъехала патрульная машина, Арнольд уже

пытался пролезть сквозь выбитый проем. Предупреждение, что будут стрелять, он проигнорировал. Но стрелять к счастью не стали. Его просто вытянули назад и положили лицом в асфальт. Дальше опять наступил провал, и сознание вернулось только в палате при отделении судебно-медицинской психиатрии. Но здесь он надолго не задержался. Специалисты быстро выяснили, что попытку проникнуть в помещение книжного магазина молодой человек совершил, пребывая в неадекватном состоянии, и ответственности за совершенные действия не подлежит. Скоро он снова оказался в хорошо знакомой больнице, под надзором и попечением знакомых докторов. Попытка пожить хоть один вечер ярко окончилась полным крахом. К счастью без трагических последствий.

Глава. 8

По улицам и заледеневшим каналам гуляла февральская поземка. Пропитанный ледяной сыростью ветер превращал в суровое испытание даже обычные для российской зимы семь градусов ниже нуля. Возвращаясь после выписки из больницы, Арнольд зябко кутался в тоненькую осеннюю куртку. Мать не смогла его встретить. В последние месяцы она с трудом выходила из дома, но к приходу сына постаралась накрыть праздничный стол. До наступления темноты они пили на кухне чай. Мать ласково и грустно смотрела на любимого сынулю, а он время от времени бросал испуганный взгляд на соседний дом. Три окна над аркой торчали,

как черные пустые глазницы.

В середине марта, когда зима, огрызаясь метелями, не хотела покидать город, матери не стало. Похороны помог организовать дальний родственник. Во время печального мероприятия Арнольд встретился и с кузиной. В черном траурном платке Аня выглядела строгой и повзрослевшей. В это время ее мать и соседка тетя Клава собирали стол для поминок. По окончании их женщины помогли вымыть посуду и, еще раз выразив соболезнования, ушли. И в тот момент Арнольд до конца прочувствовал окружившую его пустоту.

К счастью, родственник не оставил троюродного племянника без поддержки и помог оформить инвалидность с правом работы. В начале мая Арнольд устроился продавцом в книжный магазин. По иронии судьбы, тот самый, что несколько месяцев назад перепутал с оружейной лавкой. Тихая размеренная жизнь и непыльная работа в двух шагах от дома показались бы иному инвалиду-пенсионеру очень не плохим вариантом. Но каково было молодому человеку, еще недавно мечтавшему о блестящей карьере! Смириться с этим, помогали только препараты, которые теперь принимал строго по предписанию врача.

А город, как и всю страну, било в нервной лихорадке. В начале лета Мишель позвал на митинг. Арнольд долго сомневался, но все-таки приглашение принял. На главной парадной площади перед бывшим императорским дворцом он не был, наверное, целую вечность. Народу там собралось

много, хотя размеры площади позволяли вместить и гораздо больше. Крупные белые чайки барражировали над дворцом, величественным обелиском и головами возбужденной толпы. Плакаты и ораторы с микрофонами призывали свергать тиранию и бороться за свободу. На площади собралась вся компания, включая Сашку Боцмана. Тот сильно располнел, был плохо подстрижен, и действительно походил теперь на взъерошенного разжиревшего кота. Арнольду крепко жали руку. Спрашивали, как дела. Но рассказывать особенно было нечего. Да и в царившем вокруг шуме его вряд ли бы кто-нибудь расслышал. Вскоре, про бывшего однокурсника забыли, а Арнольд начал чувствовать страх. Казалось, толпа вот-вот кинется на штурм дворца, а оттуда людей начнут косить пулеметы. Ушел он по-английски, и вряд ли кто-нибудь из компании о нем вспомнил. Больше Арнольд на митинги не ходил. А в судьбоносные для страны дни слушал по телевизору "Лебединое озеро".

С началом объявленной свободы стали задерживать пособие по инвалидности. Зарплату в магазине либо не платили вообще, либо выдавали книжной продукцией. Сбывать разумное доброе вечное Арнольд ходил на главный проспект. В скверике вокруг памятника великой императрице обосновалось большое количество таких "коммерсантов". Торговали, кто чем мог, от импортного женского белья до детского питания. Среди завсегдатаев рынка со страхом произносилось новомодное словечко рэкет. И однажды Ар-

нольд увидел, как вдоль их импровизированного торгового ряда неспешно двигаются двое атлетически сложных мужчин в спортивных костюмах. В одном из них он узнал Глеба. Проходя мимо притихших торговцев, представители новой элиты скептически их рассматривали. Видимо прикидывали можно ли с этой жалкой публики чего-то взять. Когда они ушли, Арнольд быстро собрал непроданные книги, отправился домой, и больше в сквере не появлялся. Иногда по выходным выходил со своим товаром на набережную канала. Торговля там шла совсем плохо, но и рэкетеры пока не появлялись.

К одиночеству он привык достаточно быстро. Впрочем, оно и не было тотальным. Соседка тетя Клава заходила помогать по хозяйству. Она причитала по поводу так рано ушедшей матери, рассказывала последние новости и слухи. Наблюдая, за изменением ее взглядов, можно было отслеживать, как восторг по поводу крушения тирании, быстро трансформируются в ненависть к новой власти. Эти пошлые мещанские настроения сильно раздражали Арнольда. И все же, беседы хоть как-то помогали скрашивать пустые одинокие вечера. Но однажды соседка намекнула, что он бы мог прописать в квартиру ее племянника из сельской глубинки. Естественно, что в долгу ее родственники не останутся. А сама она продолжит оказывать соседу бескорыстную помощь. Слушая ее ласковую скороговорку Арнольд, почти воочию видел, как облетают последние декорации, обнажая хищный

волчий оскал мира. Отвечать на столь выгодные предложения он не стал. Клава, кажется, все поняла и больше свою помощь не навязывала. А сталкиваясь с другими соседями, Арнольд вдруг стал ощущать холодок отчуждения. Видимо про него начали распускать сплетни. Вечера он теперь проводил в полном одиночестве с чашкой чая на кухне. Пустота выползала из всех углов. Висела под высокими потолками квартиры. Обволакивала сумраком последнюю еще горевшую лампочку люстры. В открытые окно с противоположной стороны улицы иногда залетали звуки перфораторов, впере­мешку с ними незлобивая матерная брань и белорусский говор. В квартире Ирмы уже много месяцев подряд делали капитальный ремонт.

И все же мир не хотел окончательно превращаться в уродливую стальную конструкции, где никакому человеческому участию больше нет места. Отец Ани периодически звонил. Спрашивал, как дела, и предлагал свою помощь. Однако, когда Арнольд спрашивал про его дочь, ограничивался общими словами, мрачнел и переводил разговор на другую тему. А через несколько лет после крушения тирании объявился Петька Колыванов. Он потолстел и возмужал. Окончил институт и работал в какой-то строительной фирме. Золотых гор не имел, но на ногах стоял крепко. Этого и можно было ожидать. Но удивил бывший одноклассник другим. Когда Арнольд, пряча улыбку, поинтересовался, как у Петьки с творчеством, тот, смутившись, полез в сумку и протя-

нул журнал в яркой глянцевой обложке.

Вряд ли можно утверждать, что не бывает бывших поэтов. Многие, повзрослев, со стыдом вспоминают написанные в пылкой юности строки. Однако, некоторые, не утратив тягу к творчеству, обращаются с годами к смиренной прозе. Так случилось и с Петькой. Молодежный журнал публиковал его фантастический рассказ, вернее сказку на современную тему. Пробежав глазами страницы, Арнольд отметил хорошее качество иллюстраций. Подписанный автором экземпляр он поставил на полку рядом со сборником Достоевского. Но, проводив приятеля, переместил журнал на полочку в туалете. По прямому назначению жесткую журнальную бумагу он использовать не собирался. А для развлекательного чтения в "кабинке уединения" Петькино творчество вполне могло сгодиться.

По предписанию врачей Арнольд продолжал принимать тяжелые психотропные препараты. О фантастических событиях, якобы имевших место в его жизни, он старался не вспоминать. Но как-то в вечерних городских новостях увидел репортаж о недавно установленном памятнике "чижику". Причем место установки и сама легендарная птичка выглядели точно так, как ему однажды привиделось. Нечто пророческое в его безумии все-таки было!

Глава 9

Прошло еще несколько лет. Арнольд по-прежнему рабо-

тал в книжном магазине. Для человека, мечтавшего о карьере ученого-физика, должность продавца унылый финал. Но, все же, книги были близкой средой. Куда более комфортной, чем, например, склад нижнего белья или строй материалов. Так что судьба обошлась с ним не так уж и жестоко. В магазине сосредоточился теперь и весь круг общения. Коллектив был в целом интеллигентным. Несколько словоохотливых тетушек с библиотечным образованием. Директор Павел Арнольдович, филолог по прежней специальности и почти тезка. Главный бухгалтер Мария Федоровна – железная дама бальзаковского возраста. В свои сорок с небольшим она держала себя в неплохой форме. Блюла доставшуюся от природы фигуру, несмотря на тяжелые времена, умудрялась хорошо одеваться и, как сплетничали продавщицы, пользовалась дорогущей французской косметикой. Наверное, все эти усилия должны были привлекать мужское внимание. Но Арнольду разница в возрасте и положении не позволяли даже смотреть в эту сторону. Однако, по иронии судьбы, именно эта молодящаяся дама помогла ему приобрести первый сексуальный опыт. Как-то после выдачи очередной зарплаты натурой главбух попросила Арнольда донести пачку книг до дома. То, что случилось дальше, мало походило на романтическую историю. Да и мужские качества молодой человек проявил неблестяще. Но уж, как получилось, так получилось! И этой даме за приобретенный опыт Арнольд был искренне благодарен.

Однако, единственными друзьями по-прежнему оставались книги. Читал Арнольд много, и в основном авторов, чье творчество было связано с его родным городом. Их специфическое мироощущение и литературные фантазии родились в хорошо знакомом пропитанном сыростью и болезнью климате, при блеклом свете белых ночей, посреди колодцев-дворов, парадного ампира и державного гранита. Они были близки и понятны. Даже печальные истории доставляли эстетическое наслаждение и странным образом вселяли надежду, что однажды все еще изменится к лучшему. Надежду, которая до самого конца не оставляет человека, и дает возможность примириться с безысходностью жизни.

Прочел Арнольд и Петькино творчество. С удивлением обнаружил, что в целом написано не плохо. С ревнивой въедливостью еще раз проштудировал рассказ, выискивая признаки дилетантства, но много накопать не удалось. Видимо над текстом хорошо поработал редактор. Журнал продолжал оставаться в туалете, когда однажды утром на городской телефон позвонил Петька. Он сообщил, что приехал в короткую командировку, с дневным экспрессом отбывает обратно и зайти вряд ли успеет. Арнольд записал номер вагона и пообещал, что подъедет повидаться на вокзал. Уходя он на всякий случай переместил Петькино творчество на книжную полку рядом с Достоевским.

Заранее отпросившись с работы, Арнольд отправился к вокзалу пешком. В городе медленно утверждалась очередная

весна. Кое-где у обочин еще чернили остатки льда и снега. Природа начинала свой очередной цикл. Может поэтому, в голове крутились мысли о круговороте бытия. Он снова шел на встречу со школьным приятелем. В памяти опять всплывали воспоминания, о том, далеко не худшем периоде жизни. Но в то же время он знал, что на вокзале его встретить уже другой Петька. Может даже уже не Петька, а Петр Сергеевич. Что-то в жизни повторялось, а что-то неумолимо уходило. И на старой удобренной воспоминаниями почве, быстро прорастала новая реальность.

Колыванов действительно изменился. Еще больше располнел и возмужал. Правда, во многом все еще оставался все тем же примитивно доброжелательным пареньком. Спрашивал про здоровье. Звал посетить столицу. По его словам она в последние годы значительно похорошела. Было где погулять и на что посмотреть. Но уловив в его интонациях столичный гонор и покровительственные нотки, Арнольд тут же почувствовал желание поставить школьного приятеля на место. Поначалу заявил, что посещать его большую деревню не собирается. И уверен, что смотреть там по прежнему нечего. А потом с улыбкой начал вспоминать, как Петька когда-то приходил играть к нему в шахматы, и, мусоля в пальцах очередную фигуру, мучительно долго обдумывал каждый следующий ход.

Слушая, Петька мрачнел. В какой-то момент Арнольд почувствовав, что перегнул палку и сменил тему. Сообщив,

что ему понравился рассказ, поинтересовался, нет ли чего новенького. После секундного колебания, Петька извлек из сумки какой-то новый литературный журнал. Открыв на странице со своим рассказом, коротко без всяких пожеланий подписал и вручил Арнольду. На что тот с улыбкой пообещал, что тоже поставит на полку перед глазами.

– Да можешь хоть в туалет отнести, – заявил вдруг Петька, и, попрощавшись, отправился к своему вагону.

" Откуда узнал ?!" – думал, глядя ему вслед Арнольд. В голову опять полезла мистика. Но то, что школьный приятель уже вряд ли объявится на горизонте, сомнений не вызывало.

Ремонт в квартире Ирмы тянулся бесконечно долго. Хотя, вряд ли это была ее квартира. Однажды, воскресным утром Арнольд из окна увидел, как на противоположной стороне улицы, нагло залезая на проезжую часть, припарковался черный джип. Из открытой дверцы появился хорошо знакомый и ненавистный персонаж. Не отрывая от уха мобильник, Глеб двинулся во двор. А через некоторое время Арнольд увидел его в квартире над аркой. По-хозяйски осматривая стены, Глеб явно на повышенных тонах, беседовал с бригадиром.

Через несколько месяцев, когда за городские кварталы еще цеплялось уходящее лето, Арнольд через открытое окно слышал шум не шуточной ссоры. Вскоре на улице в полном составе появилась белорусская бригада. Что-то очень эмоци-

онально обсуждая, они двинулись к ближайшему магазину. На ходу сунув ноги в кроссовки, Арнольд выбежал из квартиры. Через несколько минут он с авоськой в руках уже стоял за белорусами в очереди к кассе. Мужики, не стесняясь в выражениях, крыли хозяина, который отказался платить за ремонт. Из множества эмоциональных высказываний особо отметилось: "убить гада". Понятно, что угроза была пустая, но Арнольда пожелание зацепило:

"Если его действительно грохнуть, там же подозреваемых будет целый список. На меня никто и не подумает!"

Внезапно появившись, подобные мысли уже не отпускали. А, вскоре, кроме застарелой ненависти обнаружилось еще и вполне рациональные мотивы. Когда вечерами Глеб появлялся в отремонтированной квартире (причем, один, Ирма куда-то исчезла), Арнольд, притаившись за занавеской, вел наблюдение, почти как в былые времена, во время бесплатных стриптизов. Он толком не знал, зачем это делает. Но чувствовал, что должен собирать информацию, и даже приобрел бинокль. Несколько раз удалось подсмотреть, как Глеб небрежно кидает в небольшой сейф пачки денег, а ключ прячет в грудной карман рубашки. После чего, в самых общих чертах, начал складываться план: Под каким-то предлогом проникнуть в квартиру, убить хозяина и завладеть деньгами. В тот же день уехать из города и на время затеряться на необъятных просторах родины, а может даже и где-нибудь в сопредельной республике (пачки из сейфа такую возмож-

ность давали) . А уже потом, когда нераскрытый "висяк" отправится в милицейские архивы, можно будет вернуться в родной город.

Постепенно кровожадные фантазии начали обрастать конкретикой. В спортивном магазине Арнольд купил небольшой туристический топорик. Компактный и в то же время увесистый предмет вполне подходил для внезапного нападения. И теперь по утрам, вместо гимнастики, бил им по кожаной подушке дивана. Тренировался и как выхватывать оружие из-под куртки, где даже пришил специальную петлю. Пока, это больше походило на игру. Не мог он до конца поверить, что сможет довести задуманное до конца. Но все чаще из каких-то темных глубин подсознания окровавленным вопросительным знаком всплывало :

"Тварь ли я дрожащая, или право имею!"

Глава 10

Вынашивая планы, Арнольд не торопился. Наиболее подходящим временем казалось лето. Он уже представлял, как прижимая к груди набитую деньгами сумку, в погожий день выходит на автобусной станции и бредет по сонным деревенским улочкам маленького городка. Из-за редких облачков весело выглядывает солнце. Небо отражается в лужах. На разбитый асфальт с обочин напоздает трава, а за покосившимися заборами разгуливают куры. Встречные прохожие легко вступают в разговор, и с искренним желанием по-

мочь, рассказывают, где можно снять комнату или пустующий дом. И вот, наконец, его будущее жилище. Приземистое строение, черепица на крыше поросла мхом. Пред фасадом заросли одичалых цветов вперемешку с бурьяном. За домом заросший огород, уходящее под уклон поле и блестящая лента реки, посреди усыпанного одуванчиками и ромашкой заливного луга. Ее Арнольд почему-то представлял особенно ярко. Но чтобы оказаться на этих благословенных берегах и окунуться в сонную провинциальную благодать, предстояло совершить страшное противное человеческой природе деяние. А еще покинуть город, который он продолжал все сердцем любить, хотя временами начинал ненавидеть.

Время же двигалось своим чередом. Бабье лето капитулировало, не продержавшись и недели. По проспекту и набережным снова гулял сырой пронизывающий ветер. День быстро шел на убыль. Возвращаясь с работы, Арнольд продолжал вести наблюдение за квартирой над аркой. Окна теперь до половины были закрыты занавесками. Но все же, интересную информацию получать удавалось. В некоторых привычках объект наблюдения обнаружил неожиданную пунктуальность. Каждый раз, минут через двадцать после его прихода, к арке подъезжал на велосипеде разносчик пиццы. Немного погодя зажигалось окно на кухне, и Глеб садится за ужин. Постепенно начал вырисовываться план: Подождать разносчика в подъезде. Представиться заказчиком, получить пиццу, а потом уже саму отнести ее в квартиру.

И когда хозяин возьмет коробку, выхватить топор и нанести удар. Этот ключевой момент Арнольд репетировал, оттачивая каждое движение. И все же не покидало предчувствие, что в решающий миг от страха онемеют руки или еще что-то пойдет не так. Стараясь оттянуть развязку, он даже не торопил зиму. А когда первыми робкими проталинами снова заявил о себе март, впал в черную тоску. Казалось бы, ничего не мешало отказаться от задуманного. Но однажды, пусть даже только в мыслях вкусив крови, он уже не мог пойти на попятную и окончательно признать себя дрожащей тварью.

Когда в конце марта Глеб вдруг перестал появляться в квартире, Арнольд даже был рад, хотя и не хотел себе в этом признаться. Но одновременно уже в его доме начали происходить тревожные вещи. Подъезд, всех жителей которого он знал поименно, стал быстро пустеть. Первым записалась в переселенцы соседка Клава. Встретив Арнольда, она словоохотливо поделилась планами. Какие-то люди предложили за ее квартиру хорошие деньги. Получив их, она собиралась отбыть в провинцию к племяннику. Там уже присмотрела себе подходящую жилплощадь. А оставшейся разницы должно было хватить и на безбедную жизнь, и на подарки внукам. Через некоторое время, уже от другой соседки, Арнольд узнал, что Клава действительно уехала, обещала позвонить, но с тех пор на связь ни разу не выходила. Соседка призналась, что тоже получила предложение продать квартиру, но теперь уже боится. Однако, вскоре и она куда-то ис-

чезла. Подъезд на глазах пустел. На майские праздники в самый пик застолий, Арнольд вдруг обнаружил, что, остался единственным жильцом на лестничной площадке. Неслышно было ни пьяного шума, ни пошловатых музыкальных хитов, что еще недавно резали слух и оскорбляли эстетическое чувство. Однако, сменившая все эти звуки тишина показала куда хуже.

Арнольду тоже кидали предложения в почтовый ящик. Вечерами кто-то подолгу звонил в квартиру. Не открывая, он осторожно подходил к дверям и смотрел в глазок. Но несовершенный оптический прибор чудовищно искажал картину и лампочка на площадке светила очень тускло. Рассмотреть можно было только искаженные контуры человеческой фигуры, от чего становилось еще страшнее. Отправляясь на работу, он теперь вешал свой топорик в петлю с внутренней стороны куртки. В магазины заходил на обратной дороге, и лишний раз без нужды старался квартиру не покидать. Выходные проводил за чтением книг. Иногда включал телевизор, откуда обильным потоком лились страшилки, в том числе и о черных риэлторах, что силой и обманом конфискуют у граждан доставшуюся им от тоталитарного прошлого недвижимость.

Вечерние звонки становились все настойчивей и дольше, выгодные предложения теперь не только кидали в ящик, но и клеили на дверь. Но потом все внезапно прекратилось. И вскоре в доме начался глобальный ремонт. Весь день, слов-

но шахтерские молотки, работали перфораторы. Периодически за стенкой что-то падало и грохотало. И однажды вернувшись с работы, Арнольд обнаружил, что лестничная площадка в прежнем виде перестала существовать, а его квартира превратилась в крохотный нетронутый всеобщей реконструкцией островок. От лестницы на верхние этажи и остальных дверей ее теперь отделила глухая перегородка из гипсокартона, откуда доносились уже ставшие привычными звуки. Первым пришло в голову, что новые владельцы дома решили обойтись без его жилплощади. Но некоторое время он еще соблюдал меры предосторожности. И только через несколько дней, когда вместо перегородки увидел свежее выложенную стену, поверил, что его оставили в покое.

В ближайшей выходной Арнольд решил, наконец, сделать вылазку. Лето успело войти в полную силу, и уже несколько дней над городом душным влажным маревом висела жара. На этот раз он решил выйти невооруженным. Одевать в такую погоду даже легкую куртку казалось разновидностью мазохизма. Тащить топорик в сумке тоже не хотелось. Да и как-то не верилось, что в этот жаркий солнечный день где-то поджидает опасность. А, может быть, просто устал бояться.

Из дома Арнольд вышел около полудня. По теневой стороне улицы добрался до канала. Из-за обильных испарений его набережная больше походила на парную. От воды поднимался запах бензина и гнилых водорослей. Только у

самого парапета было чуть прохладнее, однако, стоило сделать шаг в сторону и это преимущество исчезало. Проспект, как обычно, встретил многолюдной толпой, наполовину состоявшей из туристов. На площади перед дворцом, поджидая их, развернулись реконструкторы. Кареты с имперскими гербами заманивали отечественных богачей и иностранцев. Здоровенный детина в камзоле и ботфортах изображал государя-реформатора. Ассистировала ему упитанная тетка в парике и сильно декольтированном историческом платье. Возле обелиска на Арнольда накинудись девицы в гусарских мундирах, прикрывавших только верхнюю часть фигуры. Нижняя, если не считать коротенькой чисто символической юбки, была выставлена на всеобщее обозрение. И, надо признать, было на что посмотреть! Щеголя длинными стройными ножками, "гусарки" пытались раскрутить на платный снимок. Еле отбившись от их табора, Арнольд ретировался на набережную. Тут было значительно прохладней. Могучая река несла свои воды к заливу, откуда в измученный жарой город долетел свежий морской ветер. На спускавшихся к воде ступеням, подстелив журналы и полиэтиленовые пакеты, сидели люди. Кто-то курил, кто-то подкреплялся пивом и хот-догом или просто, наслаждаясь прохладой, глядел на воду. Из общей массы Арнольд сразу выделил молодую женщину. Не боясь запачкать свою длинную сборчатую юбку, она без всякой подстилки устроилась на одной из нижних ступеней, и отрешенно смотрела на золотой шпиль

крепости. Густые каштановые волосы закрывали шею и не позволяли хорошо разглядеть лицо. Когда мимо проходил прогулочный катер, волна подбиралась к пальцам ее босых ног. Но незнакомка, казалось, этого не замечала. В ее облике было что-то аномальное и загадочное, и Арнольд непроизвольно начал за ней наблюдать. Но, потом внимание отвлек прогулочный пароходик, где на открытой палубе скакали под музыку девицы в откровенно летних нарядах. Когда же снова повернул голову, женщины на ступенях уже не было. Держа в руках босоножки, она медленно шла вдоль набережной, и Арнольд с удивлением отметил отсутствие у нее дамской сумки.

Миновав дворец, они свернули на узкую протоку. На другой стороне в зеленой листве сада прятались мраморные богини и вакханки. Сократив дистанцию, Арнольд двигался уже в нескольких шагах от незнакомки. Она же шла, не оглядываясь, и, казалось, ничего вокруг не замечала. Сделав еще один поворот, вскоре вышли на мост через речку. Именно здесь разыгрались воображаемые события с похищением чижика. С правой стороны на гранитном выступе Арнольд увидел и саму птичку. А женщина, пройдя еще немного, свернула с улицы, и вскоре они оказались перед домом старой застройки. На первом этаже висел рекламный баннер, с балансирующей на единственной ноге птицей. Ниже корявыми красными буквами прыгала надпись:

"АРТКАФЕ ОДНОНОГАЯ КУРИЦА"

Но это был еще не последний сюрприз. Поднимаясь по ступеням, незнакомка обернулась, и Арнольд узнал свою кузину Аню.

Глава 11

Так и не узнав его, Аня скрылась за дверью. Арнольд последовал за ней. Оформление кафе претендовало на стиль революционного футуризма. Обои и скатерти кричащей кубической расцветки. Креативные кувшины с фиолетовыми гвоздиками. Плакаты времен двадцатых годов. Подвешенная к потолку пластиковая мини-копия рояля. Среди немногочисленных посетителей были как личности нетрадиционного вида, так и вполне уважаемая публика. Проходя по залу, Аня поздоровалась с официантом и устроилась у стойки бара. Арнольд занял свободный столик у стены. Продолжая наблюдать за кухней, открыл меню. Большинство блюд соответствовали общему стилю: бифштекс «Пролетарский» из красной говядины, поджаренной с репчатым луком; салат «Последний час буржуа» с мясом рибай и дольками ананаса. Цены на всю эту экзотику были заоблачные, словно их пересчитали на керенки, и Арнольд заказал только кружку отечественного пива. Тем временем, перед Аней появился бокал с каким-то напитком. И еще бармен положил маленький белый пакетик. Выйдя из отрешенного состояния, кухня быстрым движением высыпала его содержимое в бокал и сделала большой жадный глоток.

« А девочка-то наркоманка! » – подумал Арнольд и тут же вспомнил, странную реакцию на вопросы ее отца.

Официант явно не спешил нести заказ. А когда к столику подошел крепкий мужчина в малиновом пиджаке, в голове испуганно промелькнуло:

« Фейсконтроль не прошел. Сейчас вон попросят! »

Но малиновый пиджак вдруг развел в радушном приветствии руки. Сашку Пересмехина в этом самоуверенном господине узнать было трудно. Но, тем не менее, это был он!

– Ну как мое заведеньице? – поинтересовался Пересмехин, присаживаясь.

– Круто! – вполне искренне восхитился Арнольд.

– Вот так, то! Это тебе не какой-нибудь мат.анализ! – хвастливо заявил бывший однокурсник. И Арнольд почему-то вспомнил, что, если не брать в расчет Сашку Боцмана, названная дисциплина давалась Пересмехину гораздо хуже, чем остальным членам компании. О том, как сложилась судьба у них, Пересмехин ответил исчерпывающе кратко. Мишель свалил, Пьер за нищую зарплату протирает штаны в универе. А вот Боцману повезло, он работает в «Одноногий курице» заместителем начальника службы охраны. Вопросов Арнольду Пересмехин задавать не стал. Зато заявил, что сегодня он может заказывать, что пожелает, за счет заведения. Потом, как и положено деловому человеку, Пересмехин куда-то заспешил. Но уходя, сделал еще один широкий жест.

– Аннет, подойди! – позвал он, обернувшись к стойке. Отставив стакан, кузина, чуть заметно покачивая бедрами, двинулась в их сторону. Только сейчас Арнольд отметил, что у нее сексуальная фигура, а бледное лицо можно назвать красивым.

– Знакомься, это Арнольд, мой институтский товарищ. Сегодня будешь его любить и жаловать, – улыбаясь, сообщил владелец кафе. И уже уходя, подмигнул:

– Тоже за счет заведения!

Пока Арнольд пытался осмыслить происходящее, Аня присела за столик и равнодушно сообщила:

– А я узнала тебя, дальний родственник.

Подскочивший тут же официант поставил на стол кружку пива и поинтересовался, не хочет ли гость что-то еще. Открыв меню, Арнольд выбрал «Последний час буржуа», поджаренные хлебцы и бутылку шампанского. Аня заявила, что не голодна. Однако, от шампанского не отказалась. Заедаая игристый напиток хрустящим хлебом, она с ироничной улыбкой наблюдала за смущенным партнером. А тот отводил взгляд и не знал, что делать дальше. Спрашивать о том, как поживают родители, в данной ситуации казалось глупым. А больше и говорить вроде было не о чем. Разве что, о погоде. Но потом кузина сама нарушила молчание, и неожиданно призналась, что когда-то по малолетке была влюблена в Арнольда. Оказалось, во время единственного визита к ее родителям, он, сам того не ведая, сумел произвести впечат-

ление на скромную домашнюю девочку. Не помешало даже, что он тогда нелепейшим образом завалился в гостях спать. Нафантазив себе романтический образ талантливого, но смертельно больного героя, она все ждала от него звонка. Долго ли ждала, Арнольд уточнять не стал. Но неожиданное откровение задело душу. Ведя растительное существование, глотая горстями психотропные препараты, он даже не подозревал, что был объектом девичьей любви. О нем вздыхали, мечтали, может даже писали стишки, наподобие тех, что Петька Колыванов, когда-то посвящал своей музе. Однако, время безжалостно губит нежные ростки, оставляя лишь то, что сумело обрасти грубой коркой. Вместо влюбленной девочки перед ним сидела наркоманка и проститутка, работающая в заведении бывшего институтского приятеля.

– Ну что, к тебе пойдем? – отставив бокал, равнодушно поинтересовалась Аня.

«Благородный человек, наверное, должен был отказаться» – подумал Арнольд. Но после недолгих колебаний ответил:

«Пойдем...»

Глава 12

Оплаченная заведением Пересмехина ночь любви неожиданно получилась яркой и страстной. Видимо, кузина успела стать опытной профессионалкой, а, может, добавила огоньку и прежняя романтическая любовь. Однако, утро выда-

лось хмурым в прямом и в переносном смысле. Ветер все-таки нагнал тучи с залива. За окнами теперь висела пасмурная дымка, и временами начинал накрапывать дождик. После изнуряющей жары, пришедшая прохлада пока еще казалась благодатью. Однако, интуиция и число на календаре подсказывали, что это надолго, и жаркие деньки еще будут вспоминаться добрым словом. Но пока что накалившиеся стены держали в квартире аномально высокую температуру, а залетавший в окно ветерок приятно охлаждал лицо. Расположившись за большим кухонным столом, они в молчании пили кофе. Сидевшая напротив женщина мало походила на вчерашнюю страстную вакханку. Наверное, сказывалось отсутствие косметики. А, возможно, для поддержания тонуса и блеска в глазах уже требовалась новая доза белого порошка.

– Прекрати, меня рассматривать! – с неожиданной злобой заявила Аня. Арнольд перевел взгляд на арку соседнего дома. Там то и дело появлялись и исчезали прохожие. Многие успели переодеться в осенние куртки, почти у всех были зонты. За столом снова повисло молчание. Мысли в голове крутились самые противоречивые. Арнольд ждал, когда эта женщина с усталым бледным лицом и синими полуокружностями под глазами, наконец, уйдет. Но в то же время не хотел расставаться навсегда.

« Вот и все! » – подумал он, когда Аня, не допив кофе, решительно встала. Но, вместо того, чтобы навсегда исчезнуть из его жизни, она начала наводить порядок на кухне. Дав-

но не знавшее женской руки холостяцкое хозяйство, прямо на глазах преображалось. Ледяная стена утреннего отчуждения начала оплывать истончаться и вскоре потекла весенними ручьями. Когда в сушку отправилась последняя перемытая тарелка, Арнольд подошел сзади и с проснувшейся нежностью поцеловал ей плечо:

– Может, сходим сегодня куда-нибудь? – тихо произнесла Аня. В голосе послышалось что-то детское. Казалось, маленькая девочка просит старшего брата сводить ее в зоопарк. Сначала Арнольд хотел честно сказать, что сегодня у него рабочий день и десяти часам надо быть в магазине. Но почувствовал вдруг, что сейчас, возможно, решается судьба, и начал искать телефоны начальства. Директор, как всегда по утрам, был недоступен. Пришлось звонить второму лицу в магазине – главбуху. Выслушав про отгул по семейным обстоятельствам Мария Федоровна, пообещала, что просьбу передаст. Но напоследок посоветовала, решать семейные обстоятельства аккуратней. И Арнольду показалось, что слышит в ее голосе ревнивые нотки.

Из дома вышли под большим зонтом, доставшимся в наследство от мамы. Аня взяла его под руку. Они шли совсем близко, и Арнольд чувствовал прикосновение ее плеча. Но вскоре зонт оказался не нужен. Дождь прекратился, и сквозь пасмурную дымку стало пробиваться солнце. Резко потеплело. Многочисленные лужи на асфальте активно испаряли влагу, от чего город снова начал превращаться в душную па-

рилку. Первоначально Арнольд планировал посетить музей. Но теперь уже снова хотелось прохлады и свежего ветра, и он вспомнил про дворцово-парковый ансамбль на берегу залива.

На площади перед обелиском сучали возницы. Один из кучеров прямо на козлах резался в карты с ряженым императором. В скверике на углу дворца, навстречу снова попалась компания девиц в гусарских мундирах. Но видя, что клиент не один, приставать не стали. Купив в летней палатке хот-доги и баночного пива, Арнольд и Аня успели на отходящий от набережной катер. Расположившись на верхней палубе, устроили пикник.

Воздушная подушка позволяла развивать приличную для водного транспорта скорость. Вскоре, далеко позади остались золотой шпиль адмиралтейства, мосты, колонны с корабельными носами. Проплыли мимо темная громада собора, правобережные голландские пейзажи. Берега постепенно расширялись и уходили в сторону. С открывшегося впереди простора дул свежий ветер. Арнольд накинул на плечи спутницы свою куртку. Некоторое время они, обнявшись, смотрели, как играют на волнах рассеянные лучи, и над водой с криками барражируют чайки. Но холод все-таки заставил спуститься с палубы в салон. Здесь было душно и Арнольд почувствовал, как напоздает предательская сонливость. Он уже готов был к тому, чтобы заснуть в кресле. Но к счастью катер вскоре пришвартовался к причалу.

Пока стояли в очереди у кассы, морской ветер помог взбодриться. Цена на билеты кусалась, но Арнольд чувствовал, что сегодня в его судьбе переломный день и готов был пустить в ход последние резервы своего тощего бюджета. Оказавшись за турникетами, они взялись за руки и пошли мимо протоки, где плавали альбатросы и позолоченные головы фавнов извергали изо рта воду. Парк обрушился на них всей мощью и великолепием чужеродной культуры. Вычурной, подчеркнуто плотской, помпезной. В последний раз Арнольд побывал здесь еще ребенком. После возвращения они не раз планировали посетить парк с мамой. Но как-то не сложилось. Аня в последний раз была здесь лет пять назад с подругами из Института Культуры. Давно собиралась приехать снова, но тоже не получалось. А за сегодняшнюю поездку она своему спутнику была очень благодарна. И, похоже, говорила это искренне. Наблюдая, как кузина восхищается позолочено-фонтанным великолепием, с каким удовольствием лижет купленное ей мороженное, Арнольд не мог избавиться от чувства, что привез на экскурсию младшую сестренку.

Переполненные впечатлений и сильно уставшие они вернулись на причал. На обратные билеты у Арнольда уже не хватило. К счастью, недостающая сумма нашлась у Ани. Оказалось, при отсутствии дамской сумки кузина носит наличные в крохотном кошельке на поясе юбки. Когда она их доставала, Арнольд увидел край белого пакетика. И тут же

появилось нехорошее подозрение, что детские восторги и вернувшийся блеск в глазах спутницы результаты очередной дозы. Как она принимала порошок, он не видел. Но сделать это незаметно было не сложно. Почти всю обратную дорогу они молчали. А когда снова оказались на набережной, в воздухе зловещей дугой повис вопрос: «Что дальше?».

– Ну ладно, мне на работу, – буднично произнесла Аня и махнула рукой в сторону «Одноногой курицы». И ту Арнольд выдал, наверное, самый страстный в своей жизни монолог. Он говорил, что им вместе надо перечеркнуть прошлое и уехать. Где-нибудь далеко отсюда, там, где их никто не знает, они начнут новую жизнь, и построят счастье своими руками. А он сделает все возможное, и даже невозможное, чтобы эта попытка удалась.

– А жить мы, в прекрасном далеко, на что будем? – иронично поинтересовалась кузина. Младшая сестренка исчезла и теперь перед ним стояла выдавшая виды циничная труженица ночных панелей.

– Я достану деньги, – теряя запал, тихо произнес Арнольд.

– Вот, когда достанешь, звони. А за прогулку еще раз спасибо, – улыбаясь, произнесла Аня.

Глядя ей вслед, Арнольд сжал кулаки. Он проклинал судьбу, что обошлась с ним так по-хамски цинично. Презирал законы мироустройство, где счастье человека банально и пошло определялось наличием денег. Ненавидел этот большой и амбициозный город. И, наверное, впервые чувствовал,

что начинает ненавидеть себя.

Когда он вернулся домой, уже смеркалось. Заходя в парадное, Арнольд по привычке оглянулся на соседний дом. Все три окна над аркой ярко светились. Поднявшись в свой наблюдательный пункт, он хорошо рассмотрел Глеба. И словно по заказу, снова стал свидетелем сцены, как тот небрежно кидает в сейф пачки денег.

Глава 13

Наверное, судьбу задела все-таки его проклятья. Она опровергла обвинения в предвзятости, однако, с прежним цинизмом подкинула весьма сомнительный и очень опасный шанс. Арнольд хорошо осознавал, что другой возможности у него не будет. И теперь кроме денег и пошлого материального благополучия на кону стоит еще и Аня.

Но легко сказать «не бойся и победишь»! А если страх мутной волной захлестывает не только сознание, но и тело? Если чувствуешь, как плохо слушаются руки, и начинаешь сомневаться, сможешь ли нанести решающий удар. Но отказаться он уже не мог. Миссия по спасению падшей женщины, которую на себя добровольно взвалил, окончательно разрушала все моральные преграды. С одной стороны любимая, которую надо вытащить из черной страшной ямы. С другой хищная тварь, кровожадный волк. Лишив его жизни, сделаешь доброе дело всему лесу. Выбор очевиден. Мешал только страх. И Арнольд понимал, что если его сейчас не преодоле-

ет, то можно ставить крест на всех надеждах. А ведь они, при всем убогом растительном существовании, еще у него были!

Чтобы сжечь мосты, Арнольд подал заявление об увольнении. Директор подписал сразу. Как человек воспитанный, не стал допытываться о причинах. И даже стало обидно, что с ним так легко расстаются:

«Могли бы хоть поинтересоваться!»

Впрочем, в чем-то это было даже на руку. Никаких, даже малых зацепок, прежняя жизнь не оставляла. Он был абсолютно одинок в этом мире и никому не нужен. И все-таки Арнольд почему-то верил, что Аня ждет, когда герой ее девичьих мечтаний возьмет за руку и уведет в светлую даль.

Последующие несколько дней он вел наблюдения за квартирой и фанатично тренировался. Удар с доставанием топора из петли был отработан до мелочей. Делал он и обычную гимнастику, стараясь разработать руки. А Глеб по-прежнему проявлял приверженность привычкам. Через двадцать – тридцать минут после его появления в арку въезжал разносчик пиццы.

Проведение акции намечалось на пятницу. В выходные объект мог изменить график. С утра Арнольд произвел последние приготовления. Заранее повесил в петлю на куртке топор. В карман положил кошелек, чтобы расплатиться с разносчиком пиццы. Приготовил в прихожей маленький рюкзак с парой кроссовок, подошвы которых натер табаком. В них он собирался переобуться в подъезде Глеба. А когда

все будет закончено, дойти до канала, и выкинуть кроссовки в воду. Служебную собаку это, по его расчетам, должно было сбить со следа. На стуле в прихожей Арнольд разложил полный сменный комплект, а рядом большой пластиковый мешок, куда уберет одежду с возможными следами крови. Его он собирался выкинуть по дороге на вокзал, подальше от дома. Для переселения Арнольд наметил несколько вариантов. Потом, устроившись, он вернется за Аней. Но пока главным было, в тот же вечер уехать. Оперативники наверняка начнут опрашивать жителей соседних домов, и он боялся, что волнением может себя выдать.

Закончив приготовления, Арнольд сделал гимнастику, принял душ и начисто побрился. Чтобы скоротать время начал приборку квартиры. Есть совершенно не хотелось. Но он заставил себя проглотить порцию пельменей. После еды ту же навалилась страшная слабость. И стоило только прилечь на диван, как сознание провалилось в черную дыру. В этом сне были его мать и последний отчим. Сашка Бецман гонялся за ним с большим черным маузером, и походил на революционного матроса анархиста. А где-то за кадром присутствовала Аня. Проснувшись, Арнольд первым делом посмотрел на часы. Они показывали половину шестого. Умывшись холодной водой, он приготовил себе кофе и, не включая свет, стал ждать.

За последние дни погода окончательно успела повернуть на осень. На улице то начинал моросить, то стихал дождь.

Около семи часов в арку заехала знакомая машина. Еще через несколько минут засветились окна в квартире Глеба.

« Ну все, вперед! » – скомандовал самому себе Арнольд. Когда выходил из парадного, страх вдруг куда-то исчез, и он, наконец, поверил, что все сможет. Ну а дальше случилось то, что нельзя предусмотреть ни одним планом. От стены отделилась и преградила дорогу женская фигура. Аня опять была без зонта и сумки, и походила на вымокшего воробья.

– А я вот тут жду. Думала ты с работы пойдешь, – произнесла она тихо, – Предложение уехать еще в силе?

Услышав «да», Аня стала рассказывать, что долго думала над его словами. Поговорила по душам с отцом. И тот обещал помощь. В их распоряжение отдадут купленный еще в прежние недемократические времена дом в маленьком городке на верхней Волге. На первое время отец поможет деньгами. Ну а дальше они уже и сами чего-нибудь придумают.

Говоря это, Аня подошла совсем близко. Когда Арнольд обнял ее, топор уткнулся под мышку. Вскоре мимо проехал разносчик пиццы. Немного погодя, отогнав их гудком с проезжей части, у арки припарковалась машина. Владелица окинула обнявшуюся парочку иронично-высокомерным взглядом. И, щелкнув электронным замком, исчезла в проходном дворе. Провожая глазами роскошную, чем-то похожую на Ирму блондинку, Арнольд подумал:

« А ведь она, наверняка, к Глебу! Пришлось бы сейчас двоих... »

В это время опять заморосил дождь. Но, прежде чем подняться в квартиру, они, подражая героям голливудской мелодрамы, страстно и долго целовались под его каплями.

Эпилог.

Городок на верхней Волге оказался местом веселым и симпатичным. Еще в стародавние времена назвали его в честь шустрого зверька, ставшего потом героем диснеевских мультфильмов. С тех пор ни разу не переименовали, и имя неожиданно сыграло в судьбе города положительную роль. Сонная неторопливость провинциального быта, не лишала его обитателей деловой купеческой жилки. Каким-то необъяснимым образом им удалось раскрутить старинное названия малой родины, как туристический бренд, и стать звеном Золотого кольца России. Почти на ровном месте в городке были созданы три музея, в один из них Аня сумела устроиться экскурсоводом. В свободное время она успевала лепить забавные фигурки зверьков, раскрашивать их и продавать туристам. Нашлась работа и для Арнольда. С началом осени он начал преподавать физику в старших классах местной средней школы. Правда, за отсутствием диплома официально зачислить его смогли только на ставку электрика. Но это не имело значения, оклады почти не отличались.

Домик, в котором поселилась молодая семья, очень подходил на тот, что Арнольд представлял в своих мечтах. Маленький приземистый с заросшим палисадом и зеленой от

мха крышей. С задней стороны в створе между старой яблоней и вросшей в землю баней просматривалась Волга. Казалось, все вокруг пропитано свободой. Настоящей идущей из глубины души, а не прописанной в биллях и конституциях. Конечно, жителям мегаполиса нелегко было адаптироваться к здешнему быту. Печное отопление, вода из колодца, удобства во дворе. Они со страхом ждали наступающую зиму, но и не сидели сложа руки. Купили на кухню нагревательный бак. Сделали ремонт, приобрели биотуалет и оборудовали под него место в чулане. Деньгами помогал Анин отец, но и самим приходилось не покладая рук трудиться. И все же, такая жизнь казалась правильной и здоровой. Поначалу Арнольд очень боялся за Аню, но она вроде бы успешно преодолевала свою пагубную зависимость. Во всяком случае, вдали от источников зелья, среди нормальных простых людей это было делать проще.

Они быстро познакомились с соседями. А однажды в погожий осенний день случилась неожиданная встреча. Закончив занятия в школе, Арнольд зашел в краеведческий музей, где работала Аня. У входа стоял большой автобус. Как раз, при его появлении, иронично обсуждая местную коллекцию, вывалила толпа столичных туристов. Среди разношерстной публики Арнольд увидел Петьку Колыванова. Рядом, взявши его за руку, шла симпатичная миниатюрная блондинка. Петька тоже задержал взгляд. Но видимо сработала формула «Не может быть!», и он смущенно отвернулся. Окликать

его Арнольд не стал. Однако, искреннего порадовался, что и у школьного приятеля, видимо, все налаживается в личной жизни.

По родному городу Аня и Арнольд очень скучали. Ему часто снились окутанные дымкой белых ночей набережные, каменные фигуры львов, пронзающие серое небо позолоченные шпили. Иногда в спящем сознании звучали пронзительные стихотворные строки. Просыпаясь, Арнольд чувствовал на глазах слезы. И все же город виделся утонченно-изысканной, но страшной сказкой. И боясь, снова оказаться в ее действующих лицах, они даже с гостевым визитом туда не спешили.